

В. И. Розачев, Е. Н. Ваганова, Н. В. Карбанова

**ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННЫЕ МАРКЕРЫ В ФОЛЬКЛОРЕ
И ЯЗЫКЕ МОРДВЫ-ЭРЗИ (НА ПРИМЕРЕ МАТЕРИАЛОВ
с. КОСОГОРЫ БОЛЬШЕБЕРЕЗНИКОВСКОГО РАЙОНА
РЕСПУБЛИКИ МОРДОВИЯ)**

В статье рассматриваются пространственно-временные маркеры, бытующие в языке и фольклоре жителей эрзя-мордовского села Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия. Исследуются основные пространственные векторы, временные циклы и категории, используемые в речи, их роль в организации жизни земледельцев, рассматривается календарное, суточное, линейное, сакральное время, его функции, предназначение, способы фиксации и использование в речи, тесная связь этой категории с повседневной хозяйственной деятельностью и бытом крестьян. На основании проведенного исследования авторы статьи пришли к выводу о том, что пространство в виде географического положения, климата и ландшафта влияет на материальную и духовную культуру мордвы-эрзи, изменяется со временем в определенных рамках и аккумулирует глубинные этносмыслы народа.

Ключевые слова: пространство, время, календарь, маркеры, язык, речь, понятия, термины, крестьяне, праздники, циклы, периоды.

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-434-444

Вся жизнедеятельность человека протекает во времени и пространстве. Категории пространства и времени – неотъемлемая часть человеческого бытия, фундаментальные понятия культуры. Они принадлежат к основополагающим параметрам картины мира любого народа, следовательно, находят отражение в его языке и культуре. Размышляя о категории пространства, выдающийся ученый, философ П. А. Флоренский писал о своих наблюдениях, что пространство предстает как «своеобразная реальность насковзь организованная, нигде не безразличная, имеющая внутреннюю упорядоченность и строение, причем такая реальность, в которой разворачивается культурно историческое бытие народа» [Флоренский 1990, 60]. Хотя категории времени и пространства относятся к универсальным понятиям языкового сознания личности и служат базовой составляющей языковой картины мира того или иного народа, тем не менее они находят особое преломление в сознании каждого народа в рамках его уникальной культуры. Цель настоящей статьи – проследить национальное своеобразие представлений о времени и пространстве, сложившихся в языковом сознании эрзянского этноса на примере жителей с. Косогоры Большеберезниковского района Республики Мордовия. Авторы в ходе своей работы опирались на междисциплинарный подход в исследовании и лингвокультурологическую сущность рассматриваемых категорий.

Единство языкового, исторического и культурологического аспектов анализа позволяет констатировать особое место данных категорий в мордовской культуре в целом и в эрзянском языковом сознании в частности, что особенно важно для восприятия и понимания национальной идентичности. Привлекаемые для изучения полевые материалы зарождались в крестьянской среде, в языковой стихии простого народа, проявлялись в повседневной речевой деятельности, поэтому и были доступны непосредственным наблюдениям.

Земледельческая деревушка Новые Кергуды возникла в Среднем Присурье на речке Симилай в первой четверти XVII в. как переселенческое поселение (до 1624 г.). Причиной ухода крестьян со старого места из Старых Кергуд явилось малоземелье и потребность в пахотной земле, необходимость расширения своих промысловых угодий в условиях натурального многоотраслевого крестьянского хозяйства. Немаловажную роль сыграл начавшийся в конце XVI – начале XVII в. интенсивный захват мордовских земель монастырями, боярами; выделение земельных, луговых и лесных угодий нарождающемуся русскому служилому сословию – дворянам. Эти процессы обострились после строительства во II-й половине XVI в. Пузской засечной черты. На старом месте усилился гнет, не стало хватать угодий, в связи с чем и произошло переселение жителей эрзя-мордовской д. Кергуды Старые с терри-

тории нынешнего Алатырского уезда на окраины «дикого поля», на свободные земли Среднего Присурья. Профессор Саратовского университета, историк А. А. Гераклитов, изучавший переселенческие процессы по материалам писцовых книг, отмечает: «Кергуды Новые, на речке Симилее, Тапоснанского беляка, Верхосурского стана (1624 г.). Весьма возможно, что это с. Никольское (Косогоры) при р. Симилее в 75 км от Ардатова. Выставились из деревни из Старой Кергуды, но не ясно, что понимать здесь под Старыми Кергудами: деревню ли, лежавшую по Алатырю, или Кергуды на Пшлее, которые здесь же называются и Старыми Кергудами. В 1624–1626 гг. в деревне показано: тягловых дворов – 11, «людей» в них – 18 чел., 4 бобыльских двора и 2 – пустых... Хлебный оклад в это время д. Новые Кергуды был установлен в 12 юфт[ей]» [Гераклитов 2011, 413].

Со временем, в связи с крещением и строительством Никольской церкви в деревне в XVIII в. она получила новое название – Никольское, Старые Косогоры. «Старыми» Косогоры стали после отселения на пустоши части крестьян, основавших до 1730 г. в 9 км новый населенный пункт Новые Косогоры (совр. Дегилевки). Окончательно свое современное название «Косогоры» село получило лишь в конце XIX века.

Рассматриваемые нами категории пространства и времени относятся к ключевым способам восприятия окружающего мира. В жизни земледельческой общины эрзянского села Косогоры понятия времени и пространства издревле занимали важное место: организовывали жизненный ритм, хозяйственную и бытовую практику, содействовали освоению окружающей действительности, становились маркерами местности, в целом формировали картину мира.

Каждый народ строит собственную модель мира, опираясь, прежде всего, на универсальные онтологические категории пространства и времени; без данных категорий немислима элементарная повседневная хозяйственно-бытовая жизнь, что способствовало формированию в языке *пространственно-временных понятий*. Эти две категории тесно связаны между собой, чем объясняется и существование термина, объединившего их, – *хронотоп*. Конечно, в представлениях крестьян из этих двух категорий пространство было всегда более конкретным и воспринимаемым чувствами; а время же – как категория более абстрактная, трудноуловимая – менее конкретна. Существуют и другие точки зрения. Так, Т. И. Вендина и П. В. Королькова квалифицирует время как ценностную, эмоционально-насыщенную категорию, индикатор социально-этических качеств человека [Королькова 2009, 121]. А. В. Кравченко указывает на два уровня восприятия времени: абстрактно-обобщенный и чувственно-наглядный [Кравченко 1996]. Люди исторически довольно давно научились маркировать эти две категории с помощью средств языка.

Эрзяне с. Косогоры употребляют в своей речи слова и словосочетания, обозначающие временные и пространственные представления. Еще в родоплеменной языческий период сформировались первичные понятия о времени, представленные в религиозном сознании в виде бога времени *Нишке-паз, Шкай, Шкай-паваз*. Для обозначения времени вообще у эрзян использовался термин *шка*. Следует уточнить, что эрзянское слово *шка* ‘время’ (ср. до перм. *śćkz ‘промежуток времени’) унаследовано общемордовским языком в эпоху финно-угорской общности племен. В языке эрзян имелись и другие важные временные маркеры для организации жизни человека. Так ‘год’ именовался – *ие*, ‘новый год’ – *од ие*, ‘месяц’ – *ков*, ‘неделя’ – *тарго*, ‘день недели’ – *тарго чи*, ‘календарь’ – *ковкерькс*. Что касается слова *ков*, то в нем семантически совмещаются два значения: «месяц, отрезок годового времени» и «светило», хотя первоначально оно было связано со ‘светилом’ (ср. ф.-у. *kuŋe). Астрономическое время в году исчислялось по движению и фазам солнца и луны, что способствовало трансформации понятия времени. Подобное образование омонимов лексико-семантическим способом наблюдается в лексеме *чи*, первоначально связанной с небесным светилом ‘солнцем’, и только потом она стала обозначать ‘день’ [Мосин 2018, 14, 18, 94]. Ученые отмечают, что слово *календарь* /kal'endar'/ > *ковкерькс* /kovker'ks/ образовано путем сложения основ (< *kov* ‘месяц’ + *ker'ks* ‘связка’).

Годовой цикл делился на месяцы: *ков* ‘месяц’. Ниже мы приводим названия месяцев в соответствии с существующей современной реконструкцией на эрзянском языке: *якшамков* (от *якшамо* ‘холод’ + *ков* ‘месяц’) – ‘январь’, *даволков* (от *давол* ‘пурга, снежная буря’ + *ков* ‘месяц’) – ‘февраль’, *эйзюрков* (от *эйзюр* ‘сосулька’ + *ков* ‘месяц’) – ‘март’, *чадыков* (от *чады* ‘кипение, бурление воды, водоворот’ + *ков* ‘месяц’) – ‘апрель’, *панжиков* (от *панжомс* ‘пора, когда открывается земля, время цветения деревьев, растений’ + *ков* ‘месяц’) – ‘май’, *аштемков* (от *аштемс* ‘стоять, отдыхать’ + *ков* ‘месяц’) – ‘июнь’, *медьков* (от *медь* ‘мёд’ + *ков* ‘месяц’) – ‘июль’, *умарьков* (от *умарь* ‘яблоко’ + *ков* ‘месяц’) – ‘август’, *таштамков* (от *таштамс* ‘заготавливать впрок припасы’ + *ков* ‘месяц’) –

‘сентябрь’, *ожоков* (от *ожо* ‘желтый’ + *ков* ‘месяц’) – ‘октябрь’, *сундёрков* (от *сундёргадомс* ‘рано темнеть, время наступления сумерек’ + *ков* ‘месяц’) – ‘ноябрь’, *ацамков* (от *ацамс* ‘покрывать’ (снегом) + *ков* ‘месяц’) – ‘декабрь’ [Рогачев 2019, 73]. Таким образом, звуковой облик названия месяца имеет определенную семантическую основу и обладает своими индивидуальными характеристиками.

Названия времен года были своего рода маркерами годовых периодов *теле* ‘зима’, *тундо* ‘весна’, *кизэ* ‘лето’, *сёксэ* ‘осень’, а также явлений природы, связанных с ними: сокращения или увеличения продолжительности светового дня, происходящих климатических, температурных изменений (заморозки, морозы, снегопады, бураны, оттепели, дожди и др.). С помощью произведений паремических жанров пословиц, поговорок, фенологических наблюдений в крестьянском сознании формировалась картина мира, тесно связанная с временами года и их особенностями: *Лопя пры – сёксэ сы* / ‘Лист опадает – осень наступает’ [Мордовские ... 1986, 242].

Сравнительно большое место занимают фенологические приметы, по которым определяли особенности сельскохозяйственного года: *Тельня ламо лекшее чить – кизна ламо киши* / ‘Зима с инеем – лето с хлебом’ [Мордовские ... 1986, 239], *Бути лейсэнтэ эсэ эчке – кизна карми улеме ламо ведь, бути човине – аламо* / ‘Если на речке лед зимой толстый, то летом будет много воды, а если тонкий, то мало и будет засуха’, *Кувака эйзюротне – кувака тундос* / ‘Длинные сосульки – к долгой весне’, *Бути тунда коткодав пизэсэ васня штадови пелеве ёндо, кизэсэ ули лембе ды кувака* / ‘Если весной муравейник откроется из-под снега с северной стороны, то лето будет теплым и длинным’, *Васень тундонь пургинесь паро кизэс* / ‘Ранний весенний гром к хорошему лету’ [ПМА-1], *Кельме май – покши урожай* / ‘Май холодный – год хлебородный’ [Мордовские ... 1986, 242], *Кизэнь ушодомсто вармасэ пуви пелеве ёндо – берянь кизэсэ* / ‘Вначале лета ветер дует с северной стороны – к плохому году’, *Позда пургинесь – кувака сёксэс* / ‘Поздний гром – к долгой осени’ [ПМА-1]. По приметам судили о хлебородном лете: *Телесэ сюнав ловсо, кизэсэ – товсо* / ‘Зима богата снегом, лето – хлебом’ [Мордовские ... 1986, 242].

Природное время в сознании носителей народной традиции закреплялось соответствующим пословичным ассоциативным рядом. В пословицах и поговорках передавалось представление о природно-климатических особенностях времен года, с которыми тесно сопрягалась повседневная трудовая деятельность земледельцев: *Тунда а видят – сёксня мезеяк а пидят* / ‘Весной не посеешь – осенью ничего не сварить’, *Тунда удат – сёксня майсят, а тельня лайшат* / ‘Весну проспишь – осенью будешь маяться, а зимой со слезами каяться’ [Мордовские ... 1986, 24]. На первый план выступает народная житейская мудрость, формировавшаяся веками. В пословицах, как аксиоматических речевых единицах, раскрывается отношение эрзянского этноса к «течению времени», а также значение каждого времени года, что и составляет содержательную и жанровую основу данного вида устного народного творчества. Восстановленный в новое время календарь тесно связан с сельскохозяйственной практикой земледельческого народа, с видимыми изменениями, происходящими в природе.

После крещения в XVIII в. в жизнь мордовского народа постепенно входит юлианский календарь, который после Октябрьской революции 1917 г. был заменен 14 февраля 1918 г. на григорианский. Русская Православная церковь традиционно продолжает жить по юлианскому календарю. Разница между старым и новым стилями в настоящее время составляет 13 суток. Время религиозных праздников в Косогорах отсчитывается по юлианскому церковному календарю, на который по-прежнему ориентируются пожилые люди, верующие.

В языке жителей Косогор, особенно старожилов, в первой половине XX в. использовались маркеры для обозначения крупных временных отрезков – эпического времени и годовых циклов: *кезерень шкасто* ‘в древние времена’, *кезерень иестэ* ‘в древние годы’, *кезерень пингстэ* ‘в древнее время’, *Тюштянь пингстэ* ‘очень давно, во времена эпического инязора Тюшти’, *Пургазонь шкасто* ‘очень давно, во времена инязора Пургаза’, *инязоронь пингстэ* ‘до революции, во времена царей, т. е. очень давно’, *ташто пингсте* ‘в старое время’, *умонь пингстэ* ‘в давние времена’, *икелень шкасто* ‘в прошлое время’, *пингедэ пингес* ‘из века в век’, *ютазь пингева* ‘в прошлые века’, *седи икеле* ‘раньше’, *седикелень превть* ‘мудрость предыдущих поколений’, *седикелень тевть* ‘дела давно минувших лет’, *седикелень морот* ‘песни прежних лет’ [ПМА-1], *седикелень икат* ‘в старину’, *кезерень морот* ‘старинные песни’, *пинге* ‘век’, *эрямо шкашка* ‘время, длиною в жизнь’, *пингешка* ‘в целую жизнь’, *пингень кувалт*, *пингень перть* ‘всю жизнь’, *умок* ‘давно’, *умоктояк умок* ‘очень давно, в старину’ [ПМА-5]. В повседневной речи широко бытовали маркеры, представляющие время годовых циклов: *ие* ‘год’, *од ие* ‘новый год’, *од иеде икеле* ‘до нового года’, *од иеде мейле* ‘после нового года’, *тедеде* ‘в этом году’, *сы иестэ* ‘в будущем году’, *сы иеде мейле* ‘через год’, *мелят* ‘в прошлом году’, *ме-*

леньде икеле ‘в позапрошлом году’, *мануть* ‘когда-то давно, в прошлые годы, лета’, *од пингсте* ‘в новое время’, *неень икасто*, *неень пингсте* ‘в настоящее время’ [ПМА-5]. В разговорной речи жителей бытуют маркеры, обозначающие и более короткие промежутки времени, чем приведенные выше. Это такие, как *течи* ‘сегодня’, *течинь чистэ* ‘сегодняшним днем’, *сы чистэнтъ* ‘с наступающим днем, завтра’, *валске* ‘завтра’, *валскеде мейле* ‘послезавтра’, *исяк* ‘вчера’, *тона чистэ* ‘в другой день’, *исень чиде икеле* ‘позавчера’, *седикеле* ‘раньше’, *исень чисэ превей* ‘умен прошлым днем, задним умом крепок’, *икеле пелев арсема* ‘мысли о будущем’, *исень чиде седе икеле* ‘позавчера’, *сы таргосто* ‘на предстоящей неделе’, *те таргосто* ‘на этой неделе’, *те таргонть перька* ‘в пределах этой недели’, *ютазь таргосто* ‘на прошлой неделе’, *тона таргосто* ‘в ту неделю’, *ютазь таргонть перька* ‘около прошлой недели’, *улкотъ* ‘не очень давно, на позапрошлой неделе’, *сы ковстонть* ‘в предстоящем месяце’, *те ковстонть* ‘в этом месяце’, *ютазь ковстонть* ‘в прошлом месяце’, *тона ковсто* ‘в тот месяц’ [ПМА-5].

Особое отношение в селе было к маркерам праздничного времени, которое считалось сакральным, потому что освящалось в сознании земледельцев связью с земными и небесными божествами, предками-покровителями. Маркеры праздничного времени были неотъемлемой частью крестьянского быта, тесно связаны с земледельческим календарем, сельскохозяйственными работами. Праздничное время одновременно было и сакральным [Рогачев 2019, 75]. На праздник Покрова Пресвятой Богородицы (14 октября) в Косогорах девушки переставали водить хороводы, начинали ходить на посиделки – *аштема чокинеть*, *аватне ушодыть штердеме*, *кодамо*, *викинеме* ‘вечерние посиделки, во время которых пряли, вязали, вышивали’ [ПМА-2]. По сельским приметам, если в это время выпадал снег, то он сулил большой урожай. В этот период времени земледельцы определялись с тем, что, где и когда сеять. В селе в это время *налксессъ венчамо-урьваксто* *койть* ‘начинали играть свадьбы’.

Каждый праздник в селе был приурочен к определенному времени и действиям. Так на Рождество – *Роштувасто*, *Роштувань икасто*, молодежь ходила по селу, заходила в крестьянские избы, дома, исполняя земледельцам песни-благопожелания на следующий календарный год. В это сакральное время происходили гадания на судьбу, замужество, женитьбу, богатство, на урожай и приплод скота. «В песнях, гаданиях содержались сигнальные элементы, свидетельствующие о начале крестьянских хозяйственных забот: о севе, богатом урожае, хлебном изобилии, достатке, сытой жизни» [Mingazova 2016, 3256]. С Рождеством было связано немало примет, одна из которых гласила: *Роштувань весь тештев – кизэсь ули пештев* / ‘Ночь на Рождество звездная – к урожаю орехов’ [Мордовские 1968, 63].

Время праздников крестьяне проживали с пользой для дела и души: сочиняли пословицы и поговорки, отгадывали загадки, рассказывали сказки, пели песни, придумывали узоры на платья. С Рождества и до Крещения в Косогорах старики по наблюдениям, приметам, замечали, какая погода: если дни пасмурные и идет снег, то осенью жди хороший урожай [ПМА-2]. По приметам считалось, что если на Крещение – полнолуние, то весной ожидается большое половодье и будет урожайный год. В дни после Сретения (15 февраля) косогорские земледельцы начинали подготовку семян к посеву. Кормили птицу досыта, чтобы куры неслись и яйца были крупными [ПМА-1]. Чем ближе было весеннее время, тем более пристально крестьяне всматривались в явления природы и отмечали: *Благовещениясто туи пиземе – розь чачи* / ‘На Благовещение пойдет дождь – рожь уродится’. По приметам этого времени считалось, что если на Благовещение теплая ночь, то весна будет дружная [ПМА-2]. Ко времени празднования летней Миколы (22 мая) в Косогорах в основном заканчивали посевные работы, завершая их посадкой картофеля. На праздничный стол подавались *панжакайть* ‘ватрушки’, *чапамо ловцо* ‘простоквашу’, *чурькат* ‘зеленый лук’ [ПМА-2]. На Ивана Купалу пожилые крестьянки шли в лес, собирали целебные травы. Крестьяне истоиво молились в ожидании дождя, гарантирующего большой урожай и сытую жизнь. Во время дождя дети выбегали на улицу и кричали: *Пизек, пизек пиземне, иля сода сиземне, начтыть паксятненъ, нартненъ, кастыть скоротненъ, эмежтненъ* / ‘Дождик лей, лей без устали, полей посева, подними травы, возрасти урожай хлеба, овощей’ [ПМА-2]. На Ивана Постного (11 сентября) заканчивалось лето красное, начиналось «бабье лето». Косогорские женщины говорили: *Постнойде мейле суманесь кудос сови* / ‘После Ивана Постного посконь домой заходит’ [ПМА-1]. В это время в домах начиналась обработка конопли, льна, пряли, ткали. Женщины, собиравшие на Ивана Купалу целебные травы, теперь шли в лес копать лекарственные коренья. На Воздвиженье Креста Господня косогорские землепашцы вывозили с полей на гумно последние возы со снопами, примечая: *Паксясто кадовикс пулт марто крандазтне кудов*

сыргасть, кода нармутне лембе масторов / 'На Воздвиженье последний воз с поля сдвинулся, а птицы в отлет пошли' [ПМА-1]. На этот праздник рубили капусту, пекли пироги с капустой нового урожая. До мелочей была продумана крестьянская жизнь, разумно распределялось время. Крестьянин жил по календарному времени, которое согласовалось с природными циклами и ритмами сельскохозяйственных работ. И не последнюю роль в умном взвешенном подходе к хозяйственным заботам, регламентации трудового времени играли маркеры.

Названия времен года для крестьян имели особый смысл. Они были связаны с севом, уходом за посевами, уборкой, жатвой хлебов. В языке сохранились термины, обозначающие времена года: *тундо* 'весна', *кизэ* 'лето', *сёксь* 'осень', *теле* 'зима' или их этапы: *тундо лангс* 'на весну', *тундо ланга* 'по весне', *тундонь прядовкс* 'конец весны', *кизэнь куншка* 'макушка лета', *сексень ушоткс* 'начало осени', *теле лангс* 'на зиму', *телень ютко* 'середина зимы' [ПМА-5]. Временные маркеры несли для крестьян сигнальные элементы о климатических изменениях, о смене температурных режимов, напоминали о приближении тех или иных сельскохозяйственных работ, напоминая о повседневных заботах, подготовке инвентаря, семян, пахоте, севе или каких-то других делах; определяли особый, напряженный ритм хозяйственной жизни [Рогачев 2019, 77]. С временами года были связаны пословицы. Про лето говорили: *Кизэсь вечки сюронь кастомо, телесь – ванстомо* / 'Лето любит хлеба растить, а зима – хранить' [Мордовские ...1968, 14]. Об особой роли весеннего дня для крестьян свидетельствовали пословицы: *Тундось сюнав чисэ, сексесь – кишисэ* / 'Весна богата солнцем, а осень – хлебом', *Тундонь чись – ие анды* / 'Весенний день год кормит', *Тунда а видят – сёксня мезеяк а пидят* / 'Весной не посеешь – осенью ничего не сварить' [Мордовские ...1986, 24]. Про летнее время высказывались так: *Пелят кизэнь пси чиде, телья а ярсат тантей кишиде* / 'Летом жарких дней боишься, зимой хлеба не наешься' [Мордовские ...1968, 60].

Могло быть и наоборот, когда маркеры времени сигнализировали о переходе к размеренной спокойной жизни, связанной с завершением срочных полевых работ, как это наблюдалось после уборки урожая, в предзимье или зимой. К основным терминам, несущим временную смысловую нагрузку, добавлялись названия религиозных и календарных сельскохозяйственных праздников, которые проводились в переломное для природы время: в дни зимнего, весеннего и летнего солнцеворота. К примеру, в Косогорах отмечали два праздника Николая Угодника Мирликийского – Миколу вешнюю, травную, летнюю – 22 мая и Миколу зимнюю, приходившуюся на 19 декабря. На Миколу зимнюю, в селе игрался праздник, люди ходили в гости, навещали родственников, друзей, по селу шли гулянки, крестьяне разговлялись, ели яства, играли, пели, радовались веселились. Также радостно и широко в Косогорах отмечались *Роштова*, *Роштовань чи* 'Рождество', *Масьця* 'Масленица', 'Троица' *Тровецянь чи* [ПМА-3]. Время праздников длилось несколько дней, которые в крестьянской среде они были ожидаемы, любимы, потому что позволяли земледельцам набраться новых сил, отдохнуть, повеселиться. Праздники как ключевые маркеры времени давали передышку, возможность получить заряд новой энергии. Праздничное время в жизни земледельцев было особенным: оно сопрягалось с циклами летнего и зимнего солнцестояния, несло в себе сакральный смысл, связанный с переломными моментами в жизни природы, влияющими, как считали по поверьям крестьяне, на урожайность, плодовитость скота, чадородие. Во время праздников земледельцы не просто отдыхали от напряженных сельскохозяйственных забот – в это время шла работа по обустройству, облагораживанию души; люди придумывали орнамент для праздничной одежды, вышивали, наблюдали за погодой, запоминали фенологические приметы, сочиняли частушки, песни, присловья, – отсюда получалось, что «ни семья, что ни село – то речь особая, со своими поговорками, пословицами и прибаутками – меткая, точная, краткая, смышленная» [Шипунов 1989, 9]. В селе всему было свое название, всё находило отражение в языке: от людских имен и фамилий до кличек животным, от пространственных категорий до временных маркеров.

Многотрудной жизнью жило с. Косогоры, но одновременно жизнью красивой, размеренной, продуманной, рассчитанной по времени. Каждый человек знал, сколько ему отмерено срока на земле *Нишке пазом* – 'единосущным Богом времени и жизни на земле'. Крестьянин знал, что он должен успеть родить детей, воспитать и поставить их на ноги; женить сыновей и выдать замуж дочерей; увидеть своих внуков, наставить их на путь истинный. Время, отведенное человеку, считалось субстанцией священной, даруемой богами и связанной с ними, поэтому – *сакральным*, и всякий знал, что грешно было его тратить по пустякам, на зряшные дела [Рогачев 2019, 78].

В языке жителей села имеется немало словосочетаний, которые служат для обозначения жизненных отрезков человеческого бытия: *раштамо шка* 'время рожать', *эрямо шка* 'время жить', *эй-какш пора* 'детство', *вишка пинге* 'младенчество', *од пора* 'молодость', *одсто* 'в молодости', *сыре*

шка 'старость', кулома шка 'время умирать' сыредема шка 'старость', кулома 'смерть' [ПМА-5; ПМА-4]. Время заставляло крестьянина ставить перед собой масштабные задачи и непростые цели, поэтому косогорский земледелец жил на отчей земле как творец и созидатель.

Категория времени в языке жителей села тесно связана с жизненным циклом человеческого бытия. Помимо кругового, суточного повседневного времени люди вели отсчет линейного времени, отразившегося в терминах, указывающих на возраст человека: *потия эйкаки*, *эйкаки* 'дитя, ребенок 2–3 лет', *эйде* 'ребенок от 3 до 7 лет', до 14–15 лет он – *эйкаки* [Николаев 1995, 227]. В языке жителей Косогор до настоящего времени встречаются такие условные временные и возрастные маркеры, как *цёрыне* 'мальчик 7–9 лет', *тейтерька* 'девочка 7–9 лет', *од цёра* 'парень 17–25 лет', *од тейтерь* 'девушка 17–25 лет', *цёра* 'женатый мужчина старше 25 лет', *ава* 'женщина 25 лет и старше', *атя*, *сыре атя* 'старик, мужчина 70 лет и старше', *баба*, *сыре баба* 'старая, пожилая женщина 70 лет и старше' [ПМА-5; ПМА-2]. Термины, обозначающие возраст, указывали и на периоды жизни, в которых пребывает человек на тот или иной момент времени. Человек, живущий по линейному времени, в отличие от современника, наблюдающего круговое время и выстраивающего свою жизнь по круговому хронометру, в итоге был более результативен в крестьянском мире, потому что знал поставленные ему временные пределы.

В языке жителей села имеются пословицы, фиксирующие представления людей о течении времени, о продолжительности трудовой жизни, например: *Кие ламо пинге улы, се эсь прынзо сюды* / 'Кто много спит, тот мало живет' [Мордовские ... 1968, 21], *Эрямо пинге тевтеме эрят – седе курок велят* / 'Без дела живешь – быстрее умрешь' [Мордовские ... 1968, 22]. Люди знали цену времени, его скоротечности и бренности человеческого бытия на земле и говорили, наставляя молодых: *Эрядо ломанькс – эрямось нурькине* / 'Живите хорошо, как люди – жизнь коротка' [ПМА-5]. Существовали лексемы для обозначения быстротечности действий, процессов, происходящих во времени: *сельгень прамс* 'очень быстро', букв. 'до того, как плевок долетит до земли', *бойкасто* 'быстро', *сельмень кончтамс* 'в мгновение ока', *ёндолкс* 'молнией' и др. [ПМА-4].

Нередко жители Косогор использовали названия праздников, словно своего рода изоглоссы, как пучки времени для привязки к ним различных событий, происходящих в жизни. Это позволяло прочно запечатлеть то или иное важное событие в сознании традиционного носителя языка с привлечением соответствующих маркеров времени. Например: *кизэнь Микиладо икеле* 'до летней Микола', *телен Микиласто* 'на зимнюю Миколу', *Роштовань перька* 'вокруг Рождества', *Роштовадо икеле* 'накануне Рождества', *Роштовасто* 'на Рождество', *Роштовадо мейле* 'после Рождества', *Крещениядо икеле* 'до Крещения', *Крещениянь шкасто* 'во время Крещения', *Крещениядо мейле* 'после Крещения', *Покровдо икеле* 'до Покрова', *Покров лангс* 'на Покров', *Покровсто*, *рашты ковонть лангс* 'на Покров, во время новолуния', *Покровонь перька* 'вокруг Покрова', *Покровдо мейле* 'после Покрова', *Масьядо икеле* 'до Масленицы', *Масьянь перька* 'вокруг Масленицы'. Иногда время сопрягалось с природными явлениями: с морозами, как в приведенном нами случае: *Якшамутне Масьяс молема аштить* 'Морозы до Масленицы стоят', *Масьясто чись ведь нолды, весь скалонь суро синьди* 'На Масленицу днем лужи, а ночью стужа – коровий рог свернет' [ПМА-1].

Интересный способ фиксации времени придумали косогорские земледельцы, соотнося тот или иной важный факт из жизни семьи (рождение ребенка, свадьбу, смерть и др.) с определенным периодом, циклом сельскохозяйственных работ, например: *видима ланга* 'во время сева', *просань кочкамо шкане* 'в период прополки проса', *тикше ледема ланга* 'во время сенокоса', *розень нуема шкасто* 'во время жатвы ржи', *мушкунь таргамо шкасто* 'во время выдергивания конопли', *модамарень таргамо ланга* 'во время уборки картофеля (в сентябре)', *мушкунь томбамо шкане* 'в период обработки конопли', *пивцема шкане* 'во время обмолота хлебов', *коцтонь кодамо шкане* 'в период тканья поскони' [ПМА-5].

В языке эрзян с. Косогоры имелись индикаторы времени, по которым велся отсчет суточного времени крупными блоками (по несколько часов): *чилисема* 'восход, утро', *чивалгома* 'закат, вечер', *обед шка* 'полдень', *пелеве* 'полночь', *валске марто* 'утро' [ПМА-5]. С пространственным перемещением небесных тел солнца, луны, звезд связаны многие слова, обозначающие тот или иной отрезок времени. Жители тонко чувствовали время: оно во многих случаях для них имело сакральный смысл. Так, деление суток на две части, на день и ночь, зафиксированное в сознании крестьян, нашло отражение в соответствующих временных оппозициях: *чи* 'день' – *ве* 'ночь'. Отсюда вытекает такая детализация временных периодов, связанных с темным временем суток: *пелеведе икеле* 'до полуночи', *вень чоподава* 'глубокой ночью, в полночь', *пелеведе мейле* 'после полуночи', *пелеве малава* 'близко к полуночи', *пелеве шкане*, *пелеветь* 'в полночь', *атякионь пора*, *атякионь морамо порава* 'во вре-

мя пения первых петухов', *чоподава*, *чоподасто*, *чоподь ланга* 'затемно', *валске ёнов* 'под утро', *чинь стямю ёнов* 'к утру, к восходу солнца', *зорянь стямс* 'до зари', *зоря теишень стямга* 'с появлением утренней звезды (Венеры)', *пиже зорява* 'чуть свет', *зоря ланга* 'на заре', *зоряно пачк* 'по заре (т. е. очень рано)', *валске ёнов* 'ближе к утру', *чинь стязь* 'с восходом солнца', *чилисема ланга* 'на рассвете', *аиолгадума ланга* 'чуть свет', *чилисема* 'утренняя заря', *чи валдува* 'засветло', *валдова*, *валдосто* 'засветло', *валскень стязь* 'рано утром', *экишензэ пачк* 'в прохладу, поутру', *валске марто* 'утром', *талай*, *тусь талай кода* 'ушел довольно давно, т. е. очень рано', *талай шиказо ульнесь* 'ушел очень рано'. Иногда временными определителями являлись некоторые хозяйственные действия, к примеру: *скалонь панемадо икеле время* 'рано, до выгона скота – ранним утром', *скалонь панемадо мейле* 'время после выгона скота'. Временными признаками становились и указания на явления природы: *росань прамодо икеле* 'до появления росы', *росань прамодо мейле* 'после появления росы', *росава* 'по росе', *роса ланга* 'по росе, т. е. рано'.

В языке эрзянского села имелось значительное число индикаторов времени, связанных со световым днем: *валскестэ обедс* 'с утра и до обеда', *валскесте чокинес* 'с утра до вечера', *чинек-венек* 'круглосуточно', *зорясто чивалгомас* 'от зари до захода солнца', *обедтэ икеле* 'до обеда', *чись обедс прась* 'солнце стоит в зените', *обед шикасто*, *обед порасто*, *обед малава* 'в обед', *обедтэ мейле* 'после обеда', *обедсте чокинес* 'с обеда и до вечера', *чинь-чоп* 'целый день', *чопонь пелев* 'ближе к вечеру', *чи валгома шикасто*, *чи валгомста*, *чи валгома порасто* 'во время захода солнца', *чись модас токась* 'диск солнца коснулся земли', *чись кекись* 'диск солнца закатился', *чопонь пелев* 'под вечер', *чоподема лангс* 'с наступлением темноты', *вензэ лангс* 'на ночь глядя', *чоподамодо икеле* 'до наступления темноты', *суньдергадомодо икеле* 'до сумерек', *суньдергадызь*, *суньдергадома лангс ванозь* 'в сумерки', *чоподамодо икеле* 'до наступления темноты', *суньдергадомодо мейле*, *чоподамодо мейле* 'после сумерек, в темное время', *толонь пувамодо мейле* 'вечером, затемно, после того, как зажгли огни', *чокине* 'вечером', *чокине ланга* 'в вечернее время', *чокинень перть* 'весь вечер', *аишемс чокинес* 'сидеть допоздна, до глубокой ночи', *позда чокине* 'поздно вечером', *ве лангс ванозь* 'на ночь глядя', *пелеведе икеле* 'до полуночи', *пелевестэ*, *пелевене*, *пелевень куншкава*, *пелеве шикане* 'в полночь', *веньп(б)ерть* 'всю ночь', *вестэ вес* 'от ночи до ночи', *вестэ валскес* 'с ночи до утра' и т. д.

В языке жителей засвидетельствованы лексемы, указывающие на частотность происходящих событий во времени: *чуросто* 'редко', *чуродо-чурос* 'изредка', *чуродо весть* 'иногда', *чапонь-чапт* 'временами', *уповодсо* 'отдельными этапами, периодами', *тев ютксто* 'в свободное время, между дел, внеурочное время' [ПМА-5]. Выделяются и такие лексемные единицы, которые указывают на постоянство действия во времени: *прок* 'всегда, постоянно, всё время', *теке тева* 'то и дело, певтеме' 'без конца, всё время' [ПМА-4].

В языке жителей Косогор заметно деление линейного времени. Крестьяне, как уже отмечалось, свободно оперировали понятиями прошлого, настоящего и будущего времени. В этой связи используются такие лексемы, как то: *течи* 'сегодня', *исьяк* 'вчера', *икельце чистэ* 'вчера', *исень чиде икеле* 'позавчера', *валске* 'завтра', *валскеде мейле* 'послезавтра' и др.

В структуре годового цикла маркерами отчетливо выделяются временные природные отрезки – сезоны, условные границы которых характеризуются не только климатическими изменениями, но и сменой хозяйственной деятельности. В языке находят фрагментарное отражение также представления о продолжительности дней разных времен года, как то: *телень чи – нурькине чи* 'зимний день – короткий день', *кизень чи – кувака чи* 'летний день – длинный день', *сексень чи* 'осенний день', *тундонь чи* 'весенний день'.

В семантике дней недели обнаруживаются антропоморфные черты, а время воспринимается сквозь призму человеческого бытия. Названия дней недели представлены следующим лексемным рядом: 'понедельник' *атянь чи*, 'вторник' *вастань чи*, 'среда' *куньшка чи*, 'четверг' *кал чи*, 'пятница' *сюконь чи*, 'суббота' *шлямочи*, 'воскресенье' *недлячи*. Каждому дню временной системы приписывается какой-то актуальный признак, строго регламентирующий выполнение определенных работ, действий. Если обратиться к семантике дней недели, то именно суббота предназначалась для уборки дома, четверг связан с употреблением в пищу рыбы и т.д. При дешифровке приведенных хрононимов не обнаружены связи с порядковым номером, ни персонифицированной природной силой или покровителем-божеством, властвующего в определенный период времени, нет следов астрологического происхождения.

Важными временными маркерами для косогогорских крестьян являлись небесные светила, звезды, созвездия: *чи* 'солнце', *ков* 'луна', *теште* 'звезда', *теить* 'звезды', *зоря теште* 'Венера', *Сисем озяскеть* 'Воробьиная стая' (созвездие), *Кече Пуло* 'Большая Медведица' (созвездие), *Вишка кече* 'Малая Медведица' (созвездие), *Зоря теште* 'Венера', *рашты ков* 'нарождающаяся луна', *чачи ков*

‘новолуние’, *пешксе ков* ‘в полнолуние’, *машты ков* ‘убывающая луна’. Время в наивном сознании определялось по солнечным и лунным циклам, «а также с появлением тех или иных звезд или их исчезновением на небосклоне утром и вечером» [Mingazova 2014, 415]. Вербальное отражение небесных светил объясняется вероисповеданием, поверьями, обрядами жизненного цикла: «Мордва – идолопоклонники, молятся солнцу, они тоже сохранили многое из своей веры. Двери их домов расположены на восток, и когда свет попадает в дверное оконце, они кланяются ему и читают свои молитвы» [Фольклорно-этнографические 2013, 37]. Более подробно о существовании культа луны у древней мордвы и её мифопоэтическом мышлении было рассмотрено в статьях [Ваганова 2013а; Ваганова 2013б].

В языке жителей Косогор наряду с категорией времени исключительная роль принадлежит категории пространства в процессе познания, восприятия человеком действительности и отображения окружающего мира языковыми средствами. С их помощью предаются способы ориентации в окружающем мире, топографические векторы, местонахождение природных объектов (гор, лесов, ручьев, озер) на местности. Следует заметить, что сравнительно-сопоставительным изучением пространственной лексики финно-угорского происхождения, ее роли в процессе формирования как мордовской топонимической системы, так и топонимии родственных (марийского, удмуртского, хантыйского и др.) языков занимались мордовские языковеды [Гребнева, Казаева, Натуральнова 2019, 560]. Представление о пространственно-временных маркерах для земледельцев, прежде всего, связано с природой, фазами солнца, луны, положением звезд, что отразилось в семантических оппозициях: *чи лисема ёнкс*, *чинь лисема чире* – ‘восток’ – *чи валгума чире*, *чи валгума ёнкс* – ‘запад’; *обед ёнкс*, *лембе чире*, *лембе мастыр ёнкс* – ‘юг’ – *кельме чире*, *кельме мастыр ёнкс* – ‘холодный край, холодная сторона, север’, *Кече пуло ёнкс* – ‘созвездие Большой Медведицы, север’.

В речи имеются языковые соответствия различным пространственным векторам: *верькс* ‘верх’, *верьга* ‘верхом’, *верев* ‘вверх’, *алкс* ‘низ’, *алга* ‘низом’, *алов* ‘вниз’, *кушкава* ‘посредине’, *вакса* ‘мимо чего-либо’, *бокава* ‘с боку’, *чирева* ‘по краю’, *икелев* ‘вперед’, *удалов* ‘назад’, *керш пелев* ‘влево’, *вить пелев* ‘вправо’. Существуют лексемы, эксплицирующие семантическую оппозицию «близко – далеко» и указывающие на расстояние на горизонтальной плоскости: *маласо* ‘близко’, *малавдоаяк маласо* ‘очень близко’, *васоло* ‘далеко’, *васолдоаяк васоло* ‘очень далеко’.

В языке присутствуют пространственные лексические единицы, связанные с небом и демонстрирующие вертикальное освоение пространства: *менель* ‘небо’, *менельс* ‘до небес’, *менель тёкшис* ‘до небосвода’, *менель чирьке* ‘небесный свод’, *менель алкс* ‘поднебесье’, *менель ёнкс* ‘небесная сторона’, *менель чирьке* ‘радуга’, *менель верькс* ‘вершина небесного купола’, *менельсте масторс* ‘от неба до земли’, *мастордо менельс* ‘от земли до неба’, *менель маштума*, *мастор маштума* ‘горизонт’, *менель чиресэ* ‘на краю горизонта’ и др.

Немало лексем, связанных с местонахождением объектов на земле, на равнинной плоскости: *мода* ‘земная поверхность, земля’, *мода лангсо* ‘на земле’, *мода ёжосо* ‘у самой земли’, *мода ало* ‘под землей’, *мода потмо*, *мода кушка* ‘середина земли’, *мода потсо* ‘в земле’, *мода чиресэ* ‘на краю земли’, *мода потмар* ‘подземелье, пещера’. Земля рассматривается как основа жизнедеятельности, одно из обязательных условий при выборе местожительства. Встречаются и другие пространственные маркеры, соотносимые с универсальной семиотической оппозицией «верх – низ» и обозначающие направление движения: *валгомс алов* ‘спуститься вниз’, *прамс алов* ‘упасть вниз’, *прамс тартарынть* ‘свалиться в тартарары, в преисподнюю’, *куземс верев* ‘подняться вверх’, *куземс менельс* ‘подняться до небес’, *куземс текшис* ‘подняться на вершину, до самой высокой точки чего-либо’. В разговорной речи постоянно используются пространственные указатели: *вить пелев (ёнов)* ‘вправо’, *керш пелев (ёнов)* ‘налево’, *витьстэ* ‘прямо’, *икелев* ‘вперед’, *молемс икелев* ‘идти, двигаться вперед’, *верев* ‘вверх’, *алов* ‘вниз’, *ве ёнов* ‘в сторону’, *чиримимс* ‘наклониться в сторону’, *удалов* ‘назад’, *прамс кунст* ‘упасть назад, на спину’, *варитамс велькса* ‘посмотреть поверх чего-либо’, *пупордямс икелев* ‘упасть вперед, навзничь’, *удалов* ‘назад’, *потамс удалов* ‘отступить назад’, *прамс кершев* ‘упасть влево’, *каявомс витев* ‘броситься направо’. Д. В. Цыганкин в ходе рассмотрения лексико-грамматических образований особым образом выделяет лексему э. *пель*, м. *пяль*, которая может быть как в препозиции, так и постпозиции композита, опираясь на следующие примеры: э. *икелепеле* «впереди», э. *удалопеле* «сзади; позади», э. *кершпеле* «слева», э. *витьпеле* «справа», *крганьяльцек* «в обнимку» (м. крга «шея») [Цыганкин 2014, 79–80]. Встречаются парные пространственные маркеры *перть-пельга* ‘вокруг’, *ланга-прява* ‘по поверхности’ (употребляется и в значении «поверхностно»).

В нижеприведенных послелогох: *трокс*, *келес*, *юткова*, *кувалт*, *потсо*, *икеле, икельга*, *удало*, *удалга*, *крайсэ*, *чирева*, *песэ*, *кушкакс*, *ало*, *алга*, *ланга*, *велькса*, *верьга*, *пелев*, *ёнкс*, *вере*, *пева*, *ушодкс*, *прядовкс*, *прясо*, *кувалт*, *мельга*, *бокасо*, *томбале*, *перька* – используются вместе с существительными

как пространственные указатели, например: *веле песэ* ‘в конце села’, *веле куникасо* ‘посредине села’, *веле бокасо* ‘рядом с селом’, *веленть вакссо* ‘около села, на околице’, *веленть перька* ‘вокруг села’, *веленть кувалт* ‘вдоль села’, *веленть велькса* ‘над селом’, *веленть чиресэ* ‘на краю села’. Отмечаются и такие языковые формы, как *велева* ‘по селу’, *кудодо кудос* ‘от дома к дому’, *вере пестэ алы пев* ‘из верхнего конца в нижний конец села’, *педэ-пес* ‘по порядку’, *куринкасто куринкас* ‘от куринки к куринке’, *кудо юрт* ‘место, площадка под домом’, *кудо юрт перька* ‘вокруг дома’, *кардазонть перька* ‘вокруг двора’. Помимо приведенных пространственных маркеров имелись такие, которые создавали представление об окружающей местности: *веледе велес* ‘от села до села’, *ки улосо* ‘на перекрестке дорог’, *виренть ушоткс* ‘начало леса’, *виренть пес* ‘до конца леса’, *виренть прыдовкс* ‘конец леса’, *вирь куникас* ‘до середины леса’. В языке фигурировали понятия о далеких странах, краях: *томба мастор* ‘край земли, сторона’, *омбо мастор* ‘другая страна, зарубежное государство’, *лембе мастор* ‘теплая, южная страна’, *ломань мастор* ‘чужая страна, чужбина’, *ятонь мастор* ‘страна врагов’ [ПМА-1].

Жители Косогор, особенно пожилые, в своей речи умело сочетали пространственные и временные понятия, маркеры. Например, когда речь касалась расстояния между селами и того, за какое время этот отрезок можно преодолеть, говорили: *Ялга молемаь Ужалеев зняро сау шка, кода Полянков* ‘Время пути до пос. Ужалей такое же, как и до Полянок’, *Кись Госагырста Кузымев знярошка, кода и Поцинков* ‘Путь от Косогор до Гузынцев займет ровно столько же времени, как и до Починков’, *Киань томбале вирентень пачкодят снярс, коданя и Селеень пандо вирентень* ‘До леса за речкой Кша дойти можно за то же время, что и до леса Селеень пандо’, *Ки лангось Авцад пря виров сау истямо шка, кода Вишка вирьне пес* ‘Путь до лесочка Авцад пря займет такое же время, как до конца леса Вишка вирьне’ [ПМА-5; ПМА-2]. В приведенных выше примерах видно, как в народном языке и культуре соединялись пространственные и временные представления в единое целое. Пространство рассчитывалось по временным параметрам, а время измерялось в пространственных категориях. В языке эрзян этого села имеются пространственные метафоры, связанные со временем, в которых отражаются важные представления и процессы из жизни крестьянской общины: *пезэ панжовсь* ‘умер’, *пачкодсь эрямонть пес, пачкодсь эрямо чирентень* ‘дошел до конца жизни’.

Выбранные для данного исследования лексические единицы, которые своеобразно эксплицируют восприятие и осознание категорий пространства и времени эрзянского этноса и определяют его национальное лицо, являются малоизученными и анализируются в лингвокультурологическом аспекте. Временная система складывалась на протяжении длительного времени, впитала в себя самые разные напластования и органично вписалась в общую систему традиционного мировоззрения. Пространственно-временные маркеры в эрзя-мордовском языке выполняли важную роль в упорядочении и систематизации хронологических представлений людей, а также в формировании основных векторных характеристик окружающего мира, что ориентировало крестьян в многомерном мире, помогало земледельческой общине в её повседневной трудовой деятельности.

ПОЛЕВЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Полевые материалы В. И. Рогачева-1. Записано от Л. И. Кротовой, 1948 г. р., Большеберезниковский район, с. Косогоры, март 2018 г. Собрал В. И. Рогачев.

Полевые материалы В. И. Рогачева-2. Записано от Т. С. Кротовой, 1924 г. р., Большеберезниковский район, с. Косогоры, февраль 2016 г. Собрал В. И. Рогачев.

Полевые материалы В. И. Рогачева-3. Записано от К. Н. Николаевой, 1938 г. р., Большеберезниковский район, с. Косогоры, июнь 2015 г. Собрал В. И. Рогачев.

Полевые материалы В. И. Рогачева-4. Записано от Л. В. Понетайкиной, 1952 г. р., Большеберезниковский район, с. Косогоры, январь 2019 г. Собрал В. И. Рогачев.

Полевые материалы В. И. Рогачева-5. Записано от З. Н. Рогачевой, 1929 г. р., Большеберезниковский район, с. Косогоры, декабрь 2013 г. Собрал В. И. Рогачев.

ЛИТЕРАТУРА

Ваганова Е. Н. Культ луны в религиозных верованиях мордвы // Финно-угорский мир. 2013а. № 1 (14). С. 94–99.

Ваганова Е. Н. Образ луны в мордовской устной поэтической традиции (на материале загадок) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2013б. Т. 1. № 1 (54). С. 78–81.

Герасимов А. А. Избранное: в 2 ч. Ч. 1. Саранск: НИИГН, 2011. 462 с.

Гребнева А. М., Казаева Н. В., Натуральнова Г. А. Пространственная лексика и ее роль в формировании мордовской топонимической системы // Ежегодник финно-угорских исследований. 2019. Т. 13. № 4. С. 559–567.

Королькова П. В. Конференция «Ценностные категории славянской культуры: категория времени» // Славяноведение. 2009. № 2. С. 120–125.

- Кравченко А. В.* Когнитивные структуры пространства и времени // Известия РАН. Серия: литература и языкознание. 1996. Т. 55, № 3. С. 3–24.
- Мордовские пословицы, присловицы и поговорки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1986. 277 с.
- Мордовские пословицы и присловья. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1968. 88 с.
- Мосин М. В., Мосина Н. М.* Лексика мордовских языков в историческом освещении: монография. Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2018. 128 с.
- Mingazova L. I., Galimullin F. G., Galimullina A. F.* The mythological image of shuralen and its reflection in the folklore of Volga-Ural region // Turkish online journal of design art and communication. 2016. Vol. 6. P. 3256–3262.
- Mingazova L., Sulteev R.* Tatar and English Children's Folklore Education in Folk Traditions // Western Folklore 73.4 (Fall 2014). P. 410–431.
- Николаев С. Д.* Система родства у мордвы // Мордва: историко-культурные очерки. Саранск: Мордов. кн. изд-во, 1995. С. 222–235.
- Рогачев В. И.* По следу времени: этнографические и филологические заметки по истории села Косогоры. Саранск: Мордов. гос. пед. ин-т. 2-е изд., доп. и перераб., 2019. 182 с.
- Флоренский П. А.* Обратная перспектива // Сочинения: в 2 томах, Москва, 1990, Т. 2. С. 43–106.
- Фольклорно-этнографические материалы на страницах периодического издания «Нижегородские епархиальные ведомости» (1864-1905). Нижний Новгород: Нижегородский гос. ун-т им. Н. И. Лобачевского, 2013. 120 с.
- Цыганкин Д. В.* Лексико-грамматические образования с компонентом м. пяль (пяле), э. пель (пеле) в мордовских языках // Вестник урovedения. 2014. № 3. С. 76–81.
- Штунув Ф.* Великая Замятня // Наш современник. 1989. № 9. С. 3–28.

Поступила в редакцию 04.04.2020

Рогачев Владимир Ильич,

доктор филологических наук, профессор,

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»

430007, Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а

E-mail: rogachev-v@bk.ru

Ваганова Елена Николаевна,

кандидат филологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им Н. П. Огарева»

430005, Россия, г. Саранск, ул. Большевикская, 68

E-mail: waganowa@mail.ru

Карабанова Надежда Валериевна,

кандидат филологических наук, доцент,

ФГБОУ ВО «Мордовский государственный педагогический университет имени М. Е. Евсевьева»

430007, Россия, г. Саранск, ул. Студенческая, 11а

E-mail: nadiakarabanova@yandex.ru

V. I. Rogachev, E. N. Vaganova, N. V. Karabanova

**SPATIAL AND TEMPORAL MARKERS IN THE LANGUAGE OF THE ERZYAN VILLAGE HILLSIDES
BOLSHEBEREZNIKOVSKIY DISTRICT OF THE REPUBLIC OF MORDOVIA**

DOI: 10.35634/2224-9443-2020-14-3-434-445

The article deals with the spatial and temporal markers that exist in the language and folklore of residents of the Erzya-Mordovian village of Kosogory in the Bolshebereznikovskiy district of the Republic of Mordovia. The article examines the main spatial vectors, time cycles and categories used in speech, their role in the organization of life of farmers, considers calendar, daily, linear, sacred time, its functions, purpose, ways of fixing and using it in speech, and the close connection of this category with the daily economic activities and life of farmers. Based on the research, the authors of the article came to the conclusion that space in the form of geographical location, climate and landscape affects the material and spiritual culture of Mordva-Erzy, changes over time within certain limits and accumulates the deep ethnic meanings of the people.

Keywords: space, time, calendar, markers, language, speech, concepts, terms, peasants, holidays, cycles, periods.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2020, vol. 14, issue 3, pp. 434–444. In Russian.

REFERENCES

- Vaganova E. N.** Kult lunny v religioznykh verovaniyakh mordvy [The cult of the moon in the religious beliefs of the Mordovians]. *Finno-ugorskii mir* [Finno-Ugric World], 2013, no. 1 (14), pp. 94–99. In Russian.
- Vaganova E. N.** Obraz lunny v mordovskoi ustoi poeticheskoi traditsii (na materiale zagadok) [The image of the moon in the Mordovian oral poetic tradition (based on riddles)]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarsvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2013, vol. 1, no. 1 (54), pp. 78–81. In Russian.
- Geraklitov A. A.** Izbrannoe: v 2 ch. [Selected works: in 2 parts]. Saransk, NIIGN, 2011, P. 1. 462 p. In Russian.
- Grebneva M. A., Kazaeva N. V., Naturalnova G. A.** Prostranstvennaya leksika i ee rol' v formirovanii mordovskoi toponimicheskoi sistemy [Spatial vocabulary and its role in the formation of the Mordovian toponymic system]. *Ezhegodnik finno-ugorskikh issledovaniy* [Yearbook of Finno-Ugric Studies], 2019, issue 4, pp. 559–567. In Russian.
- Korol'kova P. V.** Konferentsiya «Tsennostnye kategorii slavyanskoi kultury: kategoriya vremeni» [Conference “Value categories of Slavic culture: category of time”]. *Slavyanovedenie* [Slavic studies], 2009, no. 2, pp. 120–125. In Russian.
- Kravchenko F. V.** Kognitivnye struktury prostranstva i vremeni [Cognitive structures of space and time]. *Izvestiya RAN SLYA* [News RAS], 1996, no. 55 (3), pp. 3–24. In Russian.
- Mordovskie posloviytsy, prisloviytsy i pogovorki* [Mordovian proverbs, proverbs and sayings]. Saransk, Mordov. knish. izd-vo Publ., 1986. 277 p. In Russian.
- Mordovskie posloviytsy i prislovyia* [Mordovian proverbs and sayings]. Saransk, Mordov. knish. izd-vo Publ., 1968. 88 p. In Russian.
- Mosin M. V., Mosina N. M.** Leksika mordovskikh yazykov v istoricheskom osveshchenii: monografiya [Vocabulary of Mordovian languages in historical coverage: monograph]. Saransk, Izd-vo Mordov. un-ta, 2018. 128 p. In Russian.
- Mingazova L. I., Galimullin F. G., Galimullina A. F.** The mythological image of shuralen and its reflection in the folklore of Volga-Ural region. *Turkish online journal of design art and communication*, 2016, vol. 6, pp. 3256–3262. In English.
- Mingazova L., Sul'teev R.** Tatar and English Children's Folklore Education in Folk Traditions. *Western Folklore*. 73.4 (Fall 2014), pp. 410–431. In English.
- Nikolaev S. D.** Sistema rodstva u mordvy [Mordovian kinship system]. *Mordva: istoriko-kul'tyrnye ocherki* [Mordva: historical and cultural essays]. Saransk, Mordov. knish. izd-vo Publ., 1995, pp. 222–235. In Russian.
- Rogachev V. I.** Po sledu vremeni: etnograficheskie i filologicheskie zametki po istorii sela Kosogory [In the wake of time: ethnographic and philological notes on the history of the village of Kosogory]. Saransk, Mordov. gos. ped. in-t, 2019. 2nd ed., revised and updated. 182 p. In Russian.
- Florenskii P. A.** Obratnaya perspektiva [Reverse perspective]. *Sochineniya: in 2 vol.* Moscow, 1990. Vol. 2, pp. 43–106. In Russian.
- Fol'klorno-etnograficheskie materialy na stranitsakh periodicheskogo izdaniya «Nizhegorodskie eparkhial'nye vedomosti» (1864–1905)* [Folklore-ethnographic materials on the pages of a periodical “Nizhny Novgorod diocesan sheets” (1864–1905)]. Nizhnii Novgorod, Nizhegorodskii gos. un-t im N. I. Lobachevskogo, 2013. 120 p. In Russian.
- Tsygankin D. V.** Leksiko-grammaticheskie obrazovaniya s komponentom m. p'al' (p'ale), e. pel' (pele) v mordovskikh yazykakh [Lexical and grammatical formations with the component m. p'al' (p'ale), e. pel' (pele) in Mordvin language]. *Vestnik ugrovedeniya* [Bulletin of Ugric Studies], 2014, no. 3, pp. 76–81. In Russian.
- Shipunov F.** Velikaya Zamyatnya [Great Memorial]. *Nash sovremennik* [Our contemporary], 1989, no. 8, pp. 3–28. In Russian.

Received 04.04.2020

Rogachev Vladimir Ilich,
Doctor of Philology, Professor,
Mordovian State Pedagogical University
Evseveva st., 11a, Saransk, 430007, Russian Federation
E-mail: rogachev-v@bk.ru

Vaganova Elena Nikolaevna,
Candidate of Philology, Associate Professor,
National Research Ogarev Mordovia State University
Bolshevistskaya st., 68, Saransk, 430005, Russian Federation
E-mail: waganowa@mail.ru

Karabanova Nadezhda Valerievna,
Candidate of Philology, Associate Professor,
Mordovian State Pedagogical University
Evseveva st., 11a, Saransk, 430007, Russian Federation
E-mail: nadiakarabanova@yandex.ru